

Представляем исследовательский комитет РАПН по политической теории

Лаборатория политической философии начала свою работу около десяти лет назад под руководством Б.Г.Капустина и Т.А.Алексеевой – признанных специалистов в этой области, авторов многочисленных трудов по политической философии и политической теории. Хотя работа проходила непросто (несколько раз проводились конференции и секции на больших научных форумах, участниками лаборатории был опубликован целый ряд статей и материалов “круглых столов” в журнале “Полис” и других изданиях), главное заключается в том, что за это время удалось сформировать научное сообщество специалистов, выработать свой специфический научный язык, обратить внимание читателей и авторов журнала на актуальные дискуссионные темы, выработать общие критерии оценки вклада отечественных исследователей в разработку политико-теоретической проблематики. Это тем более важно, что в современных условиях наметился заметный крен в сторону прикладной политической науки, формальных подходов к изучению процессов и явлений при недооценке абстрактных умозаключений и ценностных критериев.

Что же касается планов на будущее, то мы могли бы обсудить следующую интересную и практически значимую проблему: **ИЗМЕНЯЕТСЯ ЛИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ САМА ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА?** Проблема эта взята не “из воздуха”, а привлекает все более пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. И дело, разумеется, не только в том, что по утверждениям многих ученых в условиях глобализации национальное государство утрачивает свое значение (тезис, который как минимум был поставлен под сомнение тем, что именно государства оказались главными “страховщиками” от неприятностей, вызванных финансовым кризисом), но и тем, что государства часто начинают выступать в роли “сверхкорпораций” на международной сцене, а корпорации, особенно ТНК, обнаруживают большое сходство с государствами, вплоть до организации собственных армий, полиций и т.д. Если сходная с корпорацией модель начинает приниматься и современным государством, то какая судьба ждет демократию вообще, гражданское общество и шире – свободу, в частности? Вот такие вопросы мы хотели бы поставить на обсуждение в дальнейшем. Ждем ваших статей и материалов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК “ПРАКТИЧНОЕ” ЗНАНИЕ

Т.А. Алексеева

Ключевые слова: политическая философия, теории среднего уровня, практическое знание, теория и практика, диалогичность.

Политическая философия в России сегодня переживает не лучшие времена, пытаюсь вернуться от целого ряда “айсбергов”, грозящих самой возможно-

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Александровна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО (У) МИД РФ, Заслуженный деятель науки РФ. Для связи с автором: ataleks@mail.ru

сти роскошному кораблю мировой политической мысли оставаться на плаву. Широко распространившийся дилеттантизм в политике требует упрощения знания, легко откликается на всевозможные слоганы и клише, коверкает понятия и агрессивно не приемлет высокой абстракции и достаточно сложного научного языка, подменяя его “новоязом”. Все должно быть просто, доступно, понятно той самой “кухарке”, применимо здесь и сейчас, а главное — легко продаваемо на рынке услуг.

Между тем, это глубокое заблуждение. Нисколько ни умаляя значения всевозможных курсов по PR, GR, политическому менеджменту и другим прикладным дисциплинам, все же подчеркнем, что прежде чем что-то прикладывать, следует иметь то, что прикладывать, а именно: навыки политического, в том числе абстрактного мышления, умение опираться на опыт прошлого и идти дальше, не ограничиваясь копированием чужих образцов, разработанных в применении к другому обществу и другим условиям. Сформировать же “то, что прикладывают”, может только политическая теория (философия) с ее мысленными экспериментами, культурой научного диалога, умением не ограничиваться только дескриптивным описанием, часто идти вопреки устоявшимся представлениям, т.е. быть “неудобным” и “непослушным”. “Я думаю, что сама свобода реализуется в полном освобождении, только не от служб безопасности и не от карательных органов, а от шаблона вульгарного политического мышления, из которого 90 процентов ‘политически мыслящего’ населения не может выйти”, — пишет известный российский философ [Пятигорский 2007: 55].

Проблема эта не нова и отнюдь не ограничивается духовным пространством нашей Родины. В конце концов, мы живем в обществе потребления, глобализации и искаженной в постмодернистском зеркале рациональности. Однако, если на Западе занятие политической философией по-прежнему считается в среде политологов весьма уважаемым, если не элитарным, то у нас это чуть ли не секта, объединяющая обитателей “башни из слоновой кости”, далеких, как считается, и от практических потребностей дня, и, что греха таить, от необходимой доли пирога в сетке часов, если говорить об учебных планах ВУЗов. Причем в последнем случае оно подменяется либо историей политических учений, нередко знакомящих студентов с учениями великих мыслителей прошлых веков как с “музейными экспонатами”, либо планируется на первых курсах, когда у студентов еще нет ни надлежащего уровня абстрактного мышления, ни должной эрудиции для понимания связи вещей. Как следствие диалог подменяется изложением основных положений или биографий мыслителей.

Между тем, вспомним классиков, нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Можно привести множество аргументов в защиту этого тезиса, но мы ограничимся хотя бы двумя. С одной стороны, как писал об этом еще Джон Стюарт Милль, при отсутствии серьезной дискуссии по базовым принципам даже наиболее фундаментальные идеи оказываются подверженными дегенерации, превращаясь в обыденные догмы, заучиваемые, но не понятые. Всякий ответ на критику предполагает переосмысление аргументов и осознание смыслов. Поэтому даже обсуждение конституционных принципов открывает больше возможностей, чем содержит угроз. Во-вторых, если

мы все же хотим, чтобы политика сохранялась и не была подменена верой или идеологией, необходимо пространство открытой конкуренции идей и рассмотрения социальных альтернатив [Portis 1998: 192].

Практичность политической философии заключается не только в возможности реального применения “осознанной методологии” при подготовке научной работы, а не простого перечисления в автореферате известных автору методов исследования. Не только в осмыслении понятий и концепций, позволяющих увидеть их ложные интерпретации, получившие широкое распространение. Не только в привнесении моральной составляющей в реальную политику. Не только в формулировании гипотез должного, противостоящего сущему, без чего невозможно какое-либо поступательное развитие общества. Практичность заключается в том, что политическая философия сегодня — “практичное” знание¹.

Пережив болезненный период отступления во времена господства позитивизма, политическая философия в мировой политической науке предстает сегодня как востребованный, процветающий, более того — базовый предмет политологического образования, а политическая философия — как “предмет, направленный на то, чтобы объяснять, обосновывать (узаконивать) и критиковать распределение власти в обществе” [Goodwin 2003: 4].

“Практичное” знание ни в коем случае не означает популяризацию достижений науки, которое сориентировано прежде всего на просвещение, донесение до общественности смысла научных достижений, сколь бы непонятными они ни были вне относительно узкого круга профессионалов. Именно этим занимаются научно-популярные книги и журналы, такие как “Знание—сила”, “Наука и жизнь” и т.д. Но это ни в коем случае также и не упрощение, примитивизация знания как донесение научных достижений в доступной для потребителя форме и часто в соответствии с его предполагаемыми ожиданиями. Именно поэтому междисциплинарность, столь популярная в последнее время, зачастую несет в себе угрозу утраты языка науки, возникшего отнюдь не случайно и не по чьей-то прихоти, и резкого снижения уровня дискуссии. Хочу быть правильно понятой, я говорю не об отказе от междисциплинарности как таковой — в ряде случаев это чуть ли не единственная возможность выйти за пределы узкого дисциплинарного поля и найти новые интересные результаты, — а о своего рода “сервильной” междисциплинарности, максимально приближенной либо к изрядно устаревшему здравому смыслу, либо к наборам стереотипов аудитории (нередко власть предреждащей).

В конечном счете “практичное” знание — это систематическое возвращение политической философии к тем задачам, которые она перед собой ставила изначально — поискам способов разрешения, осмысления и оценки самого важного, наиболее актуального для сегодняшней политики. Так, проблема зарождения бюрократического аппарата подвигла Макса Вебера на разработку теории рациональности, необходимость в прогнозах породила концепцию аналитического прогнозирования, массовый выход женщин на рынок труда при-

¹ В английском языке достаточно четко различаются “usable knowledge” (полезное, практическое знание) и “applied knowledge” (прикладное знание). Такое различие, на наш взгляд, имеет первостепенное значение для рассуждений о связи теории и практики в сфере исследования политического.

вел к появлению разветвленной и гетерогенной политической философии феминизма.

На первый взгляд, более востребованными оказываются так наз. теории среднего уровня. Однако, как правило, они не в состоянии *объяснить* принимаемые политические решения, равно как и их последствия для реальной исторической практики, поскольку обычно говорят об интересах и мотивациях государств, социальных групп, партий, лидеров и т.д., но не отвечает на любимый вопрос политической философии — “почему?”.

Политико-философский подход предполагает обращение к “генетическим” проблемам, предопределяющим поведение политических акторов. Для этого необходимо овладение как минимум четырьмя типами знаний, полагает американский политический теоретик Александр Джордж [George 2000: xi].

Во-первых, необходима общая концептуальная модель, идентифицирующая критически важные переменные стратегии, позволяющей эффективно разрешать обсуждаемую проблему. Такое концептуальное понимание вскрывает общую логику успешного использования того или иного политического инструмента. Но это еще не стратегия, а всего лишь точка отсчета в конструировании такой стратегии, относящейся к конкретной ситуации и учитывающей возможности и интересы политиков.

Во-вторых, знание о том, как именно политик формулирует общую концепцию проблемы, превращая ее в специфическую стратегию.

В-третьих, необходим правильный образ противника, на чье поведение политик намеревается оказать влияние. Теоретики в целом соглашались с тем, что для того, чтобы выстроить правильную политическую стратегию, необходимо встать на точку зрения противника данного политического курса или решения. Действительно, только в этом случае возможно поставить точный диагноз развивающейся ситуации и выбрать оптимальный путь коммуникации. Искаженные образы “другого” часто становятся источником ложной перцепции и ошибок.

Наконец, в-четвертых, политик нуждается в “генетическом знании” условий, делающих возможным эффективное использование данной стратегии. Именно формирование эмпирически обоснованного знания помогает построить своего рода “мост” между академическими исследованиями политических философов и потребностями лиц, творящих политику. Систематическая переоценка опыта прошлого и его осмысление позволяет сформулировать условные обобщения (разумеется, носящие вероятностный характер), облегчая идентификацию обстоятельств, которые могут привести к неудаче избранной стратегии.

Приведем хотя бы один пример того, как именно работает связь между политической философией и практикой. Как минимум две последние администрации в США строили свою стратегию в отношении демократизации на нескольких политико-философских постулатах, а именно: что демократические государства друг с другом строят отношения на более миролюбивых основаниях, чем авторитарные; что для таких стабильных государств, как США, выгодно максимально большое число демократически ориентированных государств в мире; что неолиберальная модель глобализации обеспечивает максимально быстрый и эффективный рост и развитие и т.д.

Теория, таким образом, во многом предопределяет соответствующую внешнеполитическую стратегию или внутривнутриполитические программы.

Вопрос о сужении разрыва между политической философией и практикой приобретает особое значение во времена нестабильности, резких скачкообразных изменений, крутых исторических поворотов. Именно тогда во весь рост встают нерешенные общие проблемы. Назовем лишь некоторые из них: что происходит сегодня с государством, изменяется ли на наших глазах его природа; каким должен быть мир после кризиса; сохраняет ли гражданское общество свое значение в ситуации заметного разрыва социальных связей; возможен ли “откат” глобализации после кризиса? И т.п.

Правильный диагноз политической проблемы и контекста, в которой она возникла, должен предшествовать, подобно тому, как это происходит в медицинской практике, выбору возможных рецептов для ее решения. С этой точки зрения, политический мыслитель в чем-то подобен врачу — аналогия, неоднократно всплывавшая в истории политической мысли, но отнюдь не утратившая своей актуальности [см. Куриц, Воробьев 2009]. Нахождение причинно-следственных связей, опираясь на огромный всечеловеческий опыт политической мысли, позволяет разрабатывать значительно более успешную технику интервенций в политику, нежели это допускает простой здравый смысл и опыт отдельно взятого индивида или небольшой группы, хотя и обладающей властными ресурсами и полномочиями.

Однако необходимо сделать весьма существенную оговорку. Поскольку всякая абстрактная теория представляет собой совокупность каузальных утверждений обобщений, преодолевающих время, пространство и содержание конкретного вопроса, разработанные для объяснения общих тенденций и паттернов поведения соответствующих политических акторов, они могут показаться не имеющими отношения к разрешению конкретных проблем. Поэтому, несмотря на то, что политическая философия относится к практической философии, ее значение не может и не должно получать оценку в зависимости от ее практической применимости. Это означает, что, в конечном счете, политическая философия занимается “чистым” познанием, и значимость ее достижений должна оцениваться не столько политиками, сколько коллегами из академической среды. В конечном счете, но не в повседневности — здесь, наоборот, разрыв между теорией и практикой должен быть сокращен, хотя никогда не будет уничтожен полностью (подчеркнем, что речь идет именно о политической философии, а не о политических идеологиях, имеющих совершенно иную задачу).

Следует признать, что проблема границ между областями деятельности — продукт относительно недавнего времени, когда исследование политического во все большей степени начало осуществляться с помощью эпистемологии, социологии науки, исследовательской логики и т.д. “В англо-саксонском мире, во всяком случае, — пишет исследователь этой проблемы В. Воллас, — в 1920-30-е годы ... просвещенные люди, ученые и любители, входили и возвращались из миров академии, правительства и политики, не обращая особого внимания на границы, их разделяющие” [Wallace 1994: 140].

Понятно, что политики, принимая решения, обычно имеют дело с массой разнообразных переменных, поэтому в принципе должны опираться на

богатую теорию, т.е. такие теории, которые в состоянии охватить множество переменных. Такие теории, по-видимому, должны отвечать двум критериям: во-первых, их содержательная сторона в целом сохраняет свою актуальность в течение достаточно длительного времени; и, во-вторых, они должны содержать хотя бы какие-то индикаторы, указывающие на конкретные условия, при которых они могут быть применимы, т.е. фиксировать ограничения. В конечном счете, такие теории играют роль своего рода проверочного листа, напоминающего политикам о многочисленных условиях и переменных, которые могут оказать решающее влияние на достижение поставленной цели.

Наконец, они должны выявить и акцентировать в форме обобщений те наиболее благоприятные условия, которые могут обеспечить успех задуманных действий. Например, когда Джон Роулс обосновывает свою теорию справедливости, он неоднократно повторяет, что она может быть применена только в “богатых и преуспевающих” обществах, а отнюдь не в остальных странах, где для этого просто нет надлежащих условий [Rawls 1971].

Однако, несмотря на всю свою амбициозность, политико-философское знание может иметь только косвенное и ограниченное влияние на процесс формирования и осуществления политики. Иными словами, политическая философия принципиально нуждается в “*посреднике*”, “*мосте*”, “*разделительной полосе*” с текущей политической практикой. Или иначе, необходима определенная дистанция, без которой наблюдение, анализ и оценка невозможны в принципе. Тем не менее, она создает необходимый контекст, или, лучше сказать, “бэкграунд” как для лиц, принимающих решения, так и для наблюдателей, делая возможным анализ политического поведения в конкретных ситуациях. Прежде всего, политическая философия в состоянии быть весьма полезной при анализе проблемной ситуации, равно как и определении потенциальной эффективности избранной стратегии в данном конкретном случае. Именно в этом проявляются две базовые функции политической философии — *диагностическая* и *предписывающая*.

Политическая философия, как известно, выступает в трех основных формах:

1) *конструктивизм* — когда она создает (конструирует) идеальный образ какой-то структуры или решения какой-то актуальной политической проблемы, отвечая на вопрос: а как *должно* быть?

2) *артикулирование* — т.е. раскрытие содержания и прояснение смысла той или иной концепции (например, государства, бюрократии, конфликта и т.д.);

3) *интерпретация* — постоянное возвращение к политико-философским текстам, в том числе “классическим”, стремление переосмыслить их под влиянием нового исторического опыта, найти там идеи и пласты, не всегда заметные современникам, но актуализирующиеся здесь и сейчас.

Как об этом писал в своем эссе “О классической политической философии” Лео Штраус, политическая философия вновь и вновь напоминает о более высоких добродетелях в сравнении с политическими, на что в обычных условиях у политика нет ни времени, ни желания обращать внимание — на моральные и нравственные аспекты публичной, общественной деятельности: “...Отношение классической политической философии к политическим вещам всегда было сродни отношению к ним просвещенного государственного деятеля; оно не было отношением отстраненного наблюдателя, взи-

рающего на политические вещи, подобно зоологу, который рассматривает больших рыб, глотающих маленьких, или отношением социального ‘инженера’, мыслящего в терминах манипулирования или регулирования, а не в терминах образования или освобождения, или же пророка, уверенного в том, что знает будущее. Короче говоря, классическая политическая философия исходила из того, что политическая жизнь характеризуется соперничеством между группировками, сражающимися за власть внутри политического сообщества. Ее задачей было улаживание этих фундаментальных и типичных политических споров не в духе приверженца какой-либо из партий, а в духе добропорядочного гражданина” [Штраус 2000: 62-63]. Иными словами, с позиции *морали*. Возможно, именно поэтому в аморальном обществе и возникают сомнения в ценности политической философии, хотя именно здесь она становится особенно значимой, даже незаменимой. А соответственно и позиция политического философа — не просто позиция равнодушного наблюдателя, а позиция активного участника политического процесса с четко сформулированными моральными принципами. В этом — одно из важных различий между политической философией и политической наукой, стремящейся как всякая наука к максимально объективному, беспристрастному знанию. Однако человек, лишенный морали, уже перестает быть собственно человеком. Даже если этот человек — политик.

Куриц С.Я., Воробьев В.П. 2009. *Болезни государства. Диагностика патологий системы государственного управления и права*. М.: МГИМО—Университет.

Пятигорский А. 2007. *Что такое политическая философия: размышления и соображения*. М.: Европа.

Штраус Л. 2000. О классической политической философии. — Штраус Л. *Введение в политическую философию*. М.: Практикс.

George A. 2000. Foreword. — *Being Useful. Policy Relevance and International Relations Theory*. Nincic M., Leggold J. (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Goodwin B. 2003. *Using Political Ideas*. Chichester: John Wiley and Sons.

Portis E.B. 1998. *Reconstructing the Classics*. Chatham: Chatham House Publishers.

Rawls John. 1971. *A Theory of Justice*. Harvard: Harvard University Press.

Wallace W. 1994. *Between Two Worlds: Think Tanks and Foreign Policy*. — *Two Worlds of International Relations: Academics, Practitioners, and the Trade of Ideas*. Hill Ch., Beshoff P. (eds.) L.: Routledge.